

История вторая

ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ С КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

МЫС

2. Дорога

А потом они молча лежали на песке и слушали плеск волн. Ветер щекотал плечи и спину. Яна чувствовала, как по спине ползет муравей, но так хорошо было лежать на солнышке, что не могла она найти в себе сил, чтобы пошевелиться. А если засну? — думает она. Я засыпаю... Что Диана сделала со мной? Разве это я лежу сейчас на песке? Что-то изменилось во мне... Я не знаю, что, но мне нравится это.

— Что будем делать потом, Дианка? — спросила она не открывая глаз и осознавая, до чего странно звучит этот вопрос, произнесенный ею, более старшей, чем Диана, но в чем-то, и она это осознавала теперь, гораздо более младшей.— Что будем делать дальше?

— Мои импровизации тщательно продуманы, Янка. Мои сумасбродства под жестким контролем.

— Такое возможно? — Яна легла на бок и положила руку на согретое солнцем, теплое плечо Дианы.

— Ты же и сама это знаешь. Помнишь, ты рассказывала, как рисуешь акварелью. Ты говорила, что настоящая акварель любит полную свободу. Краски растекаются так, как им хочется.

— Да, так и есть.

— Но ты говорила, что, зная, что любит акварель, можно использовать ее особенности. Пусть она будет свободна, но там, куда ты ее направишь.

— Да, это так.

— И точно так же делается жизнь. Ведь, если честно, Янка, жизнь гораздо интереснее всех акварелей и всех книг. Мне очень нравится сочинять истории, но гораздо интереснее сочинять саму жизнь. Я вот иногда думаю, люди читают книги, в которых авторы показывают, как чудесен окружающий нас мир, и многие из этих людей живут в этом прекрасном мире. Кто-то живет у моря, видя смену всех времен года, кто-то среди лесов, слыша в открытые окна, как шумят деревья, чувствуя, как роскошен аромат листвы после дождя. Кто-то живет среди гор, рек, полей с их туманами, снегами... Они живут среди красоты, осознают это, но...

— И в чем же вопрос? — полуобернувшись к ней Яна.

— Но они снова начинают читать книги, в которых говорится о красоте мира.

— Зачем читают?

— Да. Зачем. Почему бы просто не жить?

— Им чего-то не хватает. Чего-то такого, что дают им книги.

— Да. Такое чувство, что им чего-то не хватает. Но чего? У них ест все. Я знаю одного парня, у нас там, в Юрмале, который обожает диски со звуками природы. Зачем, спрашиваю я у него? Ведь звуки природы все время вокруг нас. Вон, дождь идет, гром гремит, море шумит. Зачем платить за это деньги?

— Многие считают, что счастливыми их сделает только то, что можно приобрести за деньги. Ты заплатил за это деньги и, следовательно, это представляет ценность. Все, что бесплатно — даже не дешевка, а нечто совершенно бесполезное. Но твой первый вопрос был совсем о другом. Чего не хватает людям и что они ищут в книге... Потом я тебе скажу, в чем тут дело.

— Ты уже знаешь?

— Да. Но давай потом. А то уже идти надо.

— Кажется, мы уже высохли,— Диана быстро поднялась, надела шорты и помогла подняться Яне.

— Дианка,— прижала руки к груди Яна.— Моя коляска! Я совсем забыла о ней.

— Заметила, что ты сейчас сказала! Если больной забыл о лекарстве, значит, он выздоравливает.

— Да, ты меня и вправду... Раскочегарила.

— Дай мне возможность, и я из тебя Афродиту слеплю... Ты у меня не то, что по земле пойдешь. Ты пойдешь по водам, аки по суху...

— Болтушка, пошли скорее посмотреть, стоит ли еще моя коляска. Очень удивлюсь, если стоит.

— На месте она. Можешь мне поверить. Тут народ культурный. Тут даже комары, заметила, какие вежливые. Ни один нас не укусил за это время.

— Просто на море их не бывает.

— Да вон, летит, и вон, еще... Тут же лес рядом. Полно их тут.

Дианка взяла Яну под руку, и они пошли назад, к выступающему в море мысу. У его оконечности все так же колышутся хаотичные, грозные валы. Даже не верится, что за поворотом, где они купались, было так тихо и безмятежно.

На берегу уже никого. И коляска Яны стояла на гребне дюны, среди высокой травы, раскачиваемой из стороны в сторону ветром.

— Садись, отдохни. А то ты набегалась,— предложила Диана, когда они поднялись к коляске и еще раз оглянулись на море.

Легкие, розовые облака летели по чистому небу. В синеве, на востоке, уже проступили предвечерние сумерки. И в этой плотной синеве ярко горели оранжевые стволы сосен с пышными ярко-зелеными кронами.

— Картина Гоглена,— показала Яна на оранжевые сосны на фоне неба.

— А представляешь, как Сезанн это бы написал! А Ван Гог! Да... Куда ни повернись — Лувр и Третьяковка...

— Так и есть,— согласилась Яна.— Все, что сегодня происходит, лучше любого романа. Опиши это?.. У тебя получится хорошая книга.

— То, чем мы живем, будет ли интересно другим?

Диана молча покатила Яну по песчаной дороге. Над ними синее небо, яркая зелень сосен и стволы деревьев, озаренные заходящим солнцем. Казалось, расплавленное золото стекает со стволов и капает с ветвей — так вспыхивают на солнце мошкара и дикие пчелы.

Диана выкатила коляску на опустевшую автостоянку, и ее внимание тут же привлек пикап марки Jeep с работающим мотором.

— Эй-эй! — закричала она и, оставив Яну, выбежала наперерез разворачивающейся машине.

— Что же ты под колеса то лезешь! — высунулся из кабины водитель, но в голове его прозвучали до того добродушные нотки, что Диана поняла — они спасены.

Был он круглолиц, с веселым прищуром карих глаз на смуглом лице с маленькими усиками.

— Не подбросите нас немного? Меня и мою сестру...

— Эх, годочков бы двадцать назад, подбросил бы вас с удовольствием,— усмехнулся он,— А сейчас — спина...

— Я в смысле — подвезти. Хотя бы до дороги на Юрмалу.

— Садитесь. Так и быть, подброшу... Прошвырну вас до трассы на Юрмалу. Мне все равно в ту сторону. Мы с внучкой еще дальше едем.

Заметив в окно Яну, он быстро смекнул, что к чему, вышел из машины и проворно закатил коляску в кузов пикапа. Диана тем временем помогла Яне сесть на переднее сиденье. В кабине машины, на заднем сиденье, пристегнутая к специальному детскому креслу, сидела девочка лет шести и ела булочку с маком. Это окончательно успокоило Диану, которой не хотелось нарваться на «приключения» с незнакомцем. Девочка придвинула к себе расстегнутый рюкзачок, наполненный игрушками, детскими книжками, печеньем, желейными конфетами и многими другими, важными в путешествии вещами. Диана устроилась рядом с ней, подмигнула, отчего та ухмыльнулась и отвернулась к окну.

— Хорошая у вас машина,— заметила Диана.

— Да. Машина что надо, но она не моя, а зятя. У меня машина попроче.

Яна смотрела на деревья, мелькавшие за окном и, зная, что слева и справа за деревьями море, снова ощутила то чувство неустойчивости, которое почувствовала приближаясь к мысу. Ей снова казалось, что едет она по зыбкому настилу, проложенному в море. Море, она чувствовала, ощущала его за стенами леса.

Диана уже наладила контакт с маленькой попутчицей. Та показывает ей свои сокровища, которые нашла на берегу мыса. Янка вспомнила Дианкины детские письма, в которых та ей писала о своих морских находках. Они понимают друг друга с этой девочкой, подумала она. Такое чувство, что Диана, осталась тем же самым ребенком. И, слава Богу, что осталась. Самое ценное в каждом человеке — тот самый ребенок, что все еще теплится в нем. Это как крохотные горящие угольки в холодной золе, когда чуть поворошишь ее. Немного грустная аналогия, подумала она, но разве мир не грустный, если приглядеться к нему повнимательнее? Все так и есть. Угольки только и горят. И дают немного света.

Диана разглядывает деревянные «обмылки», как она их называет, ракушки, камешки и это для нее вовсе не игра. Это ей интересно. Какая же Диана... морская. Ес-

ли бы мне захотелось написать о Балтийском море, то рассказывать пришлось бы о Дианке. А если рассказывать о Дианке, то речь пойдет о море.

— Не дует? — водитель чуть приподнял стекло у двери возле Яны.

— Нет, все хорошо. Диана, как тебе?

— Нам тут замечательно. Янка, тут столько всего! Совсем другие ракушки, чем у нас. Ты заметила? — обратилась она к девочке, — сегодня даже медузы были.

— Нет, я не видела, — посмотрела на нее девочка голубыми, как небо, глазами.

— А мы купались, и видели. Но медузу домой не унесешь. Верно?

Девочка огорченно, с легким кивком, согласилась.

— А у тебя дома есть какие-нибудь зверюшки? — спросила у нее Диана.

— У меня два кота. Пичик и Барсик.

— Два кота!?!..

— Ну, сначала у нас был Барсик, но он однажды пропал. Целый месяц его не было! Мама с папой решили, что он совсем пропал, и взяли Пичика. А тут вдруг Барсик возвращается.

— История... Ну и как, они подружились?

— Не-а.

— Дерутся?

— Нет, не дерутся, но Пичик все время уходит со двора. Мои подружки, ну те, что рядом живут, говорят, что он у них во дворе спит. То у одной, то у другой во дворе спит. Или в сарае.

— Бедный Пичик! — заметила Диана и, коснувшись плеча Яны, шепнула, — эта история мне где-нибудь пригодится.

— Вот-вот, как раз то, что я тебе говорила, — абсолютно все когда-нибудь пригодится.

— Коты — они такие, — продолжила Диана разговор с девочкой. — У них свои разборки и понимают они друг друга без слов. Барсик, как только вернулся, ему сразу дал понять, мол, — «Чувак, будет хорошо, если ты сразу врубишься, кто тут хозяин. Поэт! Так что, вали отсюда. И мне не попадайся...»

Девчонка прыснула от смеха.

— Барсик, он такой и есть — хулиган и вор. Таскает из кухни то рыбу, то колбасу.

Яна полулежит, откинувшись на спинку кресла, и слушает их. Машина свернула на шоссе и быстро понеслась среди перелесков и холмистых полей. Озаренная оранжевым закатным солнцем дорога летит навстречу под колеса машины, мелькают за окнами сосновые стволы, яркая зелень берез, а потом снова тянутся длинные сосновые леса с густым подлеском и сгущающимися сумерками между стволами.

— Еще у нас есть поросенок, — послышался сзади голос девочки.

— Ха!.. Поросенок! Слышала, Янка? А как звать его?

— Никак. Просто поросенок, — девочка развела руками в стороны.

— Ты, наверное, кормишь его.

— Конечно. Он больше всего яблоки любит.

— Она даже катается на нем. Наша Инесса любит пошалить так же, как и Барсик, — заметил водитель, улыбнувшись уголком рта. — Расскажи, как ты его цветными фломастерами разрисовала.

В зеркальце Яна увидела, как Инесса улыбнулась, прикусив нижнюю губу. Она порылась в своем рюкзаке и протянула Диане большую перламутровую ракушку.

— На...

— Ой, спасибо! Ты мне даришь? Неужели такие есть в море? Никогда не видела.

— Нет, это у нас на реке я нашла.

— А что же это за река у тебя?

— Вента.

— У нас там красиво,— заметил водитель.— А вы, похоже, в Юрмале живете.

— Да, сегодня решили попутешествовать.

— У нас там много путешественников по реке сплавливаются. На лодках, на катамаранах. Бывали на Венте?

— Я была однажды, а моя подруга не была ни разу. Да... Вента это классно!.. А что, вы нас туда подвезти можете?

— Подвезти, нет проблем, но куда же на ночь-то глядя? Что вы там увидите? Поздноато мы туда доберемся. Ведь нам еще ехать и ехать.

Водитель оглянулся на Диану, чтобы посмотреть, не шутит ли она.

— Это как раз то, что нам надо,— заметила Диана.— Я помню, там, в лесу, есть отель. Его еще «Бочкой» называют.

— Знаю «Бочку». Мы будем мимо проезжать.

— Вот, можете вы нас туда подвезти?.. Это было бы так здорово!

Водитель чуть помолчал.

— Если хотите, пожалуйста.

Яна некоторое время раздумывала, что же сказать Диане, после всего, что она сейчас услышала, но, к своему удивлению, ей ничего не захотелось говорить. Глядя на несущуюся на них дорогу, она думала: Диана, как поток, подхватила и понесла ее во что-то новое и такое странное. Но, Боже, как это здорово — нестись вперед и не знать, что будет дальше? Река с таким красивым названием — Вента, отель со странным названием «Бочка», надвигающаяся ночь, безрассудная Дианка... А может и правда, надо расслабиться, отдаться потоку. Сегодня такой день, каких еще не было у нее в жизни. И она вдруг поняла, что не хочет, чтобы заканчивался этот день, а, когда наступит ночь, то не хочется, чтобы заканчивалась и она.

— Сейчас, минутку, позвоню мужу,— сказала Диана и зажала кнопки.— Наши рыбачки там совсем зарыбачились, Янка. Сейчас мы им, родимым, напомним о себе!.. Впрочем, мы о них тоже сегодня забыли. Правда, Янка? Але-але!.. Привет! Как вы там? Скучаете? То-то! А мы с Янкой тут куролесим во всю. Сейчас вот с мыса возвращаемся.

— Это кто? С кем ты говоришь? — обернулась к ней Яна.

— Это Ник, потом Женьку тебе дам,— шепнула ей Диана.— Ночью тоже будете ловить? Вы там осторожно. Не ходи по кустам в темноте. Слышишь? Я там, в прошлый раз, змею видела... Мы? Так я же говорю, с мыса возвращаемся... Да... Слушай!.. Але-але! Ты слышишь меня? Что-то со связью... Ник, тут потрясающая возможность подвернулась. Такие замечательные люди попались, и они... ты слышишь меня?... и они могут нас подвести в тот отель — «Бочку». Помнишь? Это же потрясающе! Мы там остановимся, а завтра Янке Венту покажу. Ну, как, одобряешь? Во, я знала, что мы с тобой одной крови! Да... Слушай, там у берега, в кустах, глубокие ямы были. Помнишь? Ты там осторожно, не провались... Там есть еще кто-то на берегу? Ну, тогда хорошо. А мы, что... За нас не беспокойтесь. Сейчас доедем, сниму номер... Так я карточкой и расплачусь. Серьезно? Хм!.. Совсем забыла. Мы тогда что, с карточки платили? Слушай, у тебя же планшет с собой. Перекинь мне сотню евриков на счет... Мне на следующей неделе аванс за книжку пришлют, так что все нормально... А Женька там далеко? Я Янке трубку даю, а потом из отеля позвоню... Ты не забудь денежку перекинуть. И будь осторожен!

— Диана, о каком это авансе ты говоришь? Ты ничего мне не рассказывала.

— А, это у нас с Ником шутка такая. Считаю, что репетирую то, что будет когда-нибудь в будущем... Бери, сейчас Женька подойдет.

Диана протянула Яне телефон, нагретый от ее руки, и та приложила его к уху...

А машина, сделав крутой вираж по кольцевой дороге, пошла на подъем, на мост, и они пронеслись над рекой, в которой отражались золотистые облака и темнеющее небо. Потом стремительный спуск с моста, и лес отодвинулся вдаль и долго тянулся голубой стеной далеко на горизонте, за холмистыми полями с клиньями перелесков, у которых виднелись хутора и иссушенные солнцем, побитые дождями пепельно-серые сараи.

— А вы приезжая, наверное? — обратился водитель к Яне.

— Да. Я из России.

— И как же там Россия живет?

— Трудно сказать. По разному люди живут. Вообще-то мы с мужем в последнее время живем в Англии, но это временно, у него там работа. У человека должен быть дом, но дома я себя пока нигде не ощущаю. Вот только когда к Диане приехала, почувствовала себя дома. Да... С ней я даже на этой дороге чувствую себя дома.

— Угадайте, а откуда я, — сказал водитель и улыбнулся Яне.

— А разве вы не латыш?

— А что, есть акцент?

— Едва-едва... Что-то промелькнуло.

— Вообще-то, я литовец. А где я родился, так это целая история. Мой отец, это перед войной было, работал в Латвии. Потом пришли русские. Однажды приехал к нему какой-то начальник и говорит, что несколько машин бревен ему надо. Отец отвечает, что без проблем, только разрешение на рубку надо. Ладно... Начальник тот попыттел и уехал, а через какое-то время отца арестовали. И сослали в Сибирь. Казалось бы, все, хуже и не бывает. Вот она, погибель пришла. И что бы вы думали! Вообще, какие в жизни бывают повороты! Одним из начальников в этом лагере оказался его друг по школе. Представляете! Последние годы за одной партией сидели. Во как бывает в жизни!

— Да! — вздохнула Яна. — И что потом?

— Он и говорит отцу — помогу, мол, тебе. Не сразу, но помогу. И действительно, помог. Через год отец был уже на поселении и работал опять же лесником. Хороший лесник и там нужен. Прошло время, война уже кончилась, отца реабилитировали, он женился, а в сорок шестом году я и родился. Так что, сибиряк я. Места там у нас были потрясающие. Летом с ребятами в ночное ходил, коней пасли. Чудо как хорошо было! А случалось и одному остаться в ночном. Дадут с собой краюху хлеба да молока, вот и вся еда. Помню, филин меня крепко напугал. Я под телегой спал, ночь, тишина вокруг, а тут вдруг как захохочет кто-то надо мной... Это, я вам скажу, не шутка. Мне-то лет семь было.

— Суровая у вас жизнь была, — сказала Диана.

— Да как суровая... Я только потом понял, что суровая, а тогда все казалось нормальным. Другого я и не видел. Отец уже умер тогда, жил я с матерью. В школу километров пять идти надо было. А зимой, в мороз, это не шутка. Ходил, не болел ни разу. Это сейчас, чуть что, носами шмыгают. Может, и суровая жизнь была, но и закаляла она. Помню, было мне тогда лет шесть, послали меня в соседнее селение, а идти надо было километров десять, может, и больше. Иду, это летом было, жарко, долго полем идти пришлось, все жду, когда до леса доберусь, чтобы хоть какая-то тень. И слышу вдруг стук копыт позади. Смотрю, всадник. Подскакал, чуть коня осадил, остановился рядом со мной. Видит же, что пацан на дороге, а в оба конца до жилья очень далеко, и спрашивает

— Ты откуда, парень? Куда идешь?

— Я сказал ему, откуда я и куда иду.

— А!... — проговорил он и покачал головой. — Ну-ну...

Коня пришпорил и поскакал дальше. Я тоже дальше пошел. Слава богу, не тронул, все хорошо. А потом только, спустя годы, удивился, как же ему не пришло в голову меня подвезти. Ведь видел же, как далеко мне идти, совсем еще пацаненку. Да... Такие вот, дела.

— А потом сюда вернулись.

— Ну, как — «вернулся»? Родина моя не здесь, получается. Просто жизнь так снова повернулась, что оказался я здесь. Жизнь, я вам скажу, это такой водоворот!

— Много было и несправедливости, и горя. У очень многих.

— Да, но нельзя жить какими-то обидами. Надо жить дальше. Что было, то было. История, это такой я вам скажу ураган. Нельзя судить о каких-то событиях или людских поступках, не понимая времени, когда это происходило. Я однажды это очень хорошо увидел в реальной жизни. Могу рассказать.

— Да, интересно. Расскажите,— придвинулась к ним сзади Диана и чуть коснулась плеча Яны.

— Пару лет назад был тут у нас сильный ветер. Считай ураган, у меня, вон, с крыши жезь сорвало. Так вот, еду я на машине, вокруг все бушует, деревья гнутся, и быстро летят в небе облака. С востока летят на запад, так как ветер как раз оттуда — с востока. Вижу, вдруг, ворона летит, вернее, не летит, а несет ее ветром, как темную тряпку — с востока на запад, по ветру. Еду я дальше, а это, кстати, осенью было. И вижу вдруг: клин птиц летит, может, гуси, не знаю. И летит он с востока на запад. Понимаете? Им же на юг положено лететь, но несет их ветром на запад... Вот я и подумал потом, представьте, прошло время и какие-то другие гуси, другие поколения начинают судить тех гусей — как же так! Нарушили все вековые наши законы! На юг надо было лететь, так нет, на запад летели! Судить их! Наказать!.. Посмотрел бы я в тот день на этих судильщиков. Вообще бы никуда не летели, забились бы куда-нибудь и не рыпались. Нет, нельзя никого судить, живя в другие времена. Много чего было, но и много чего будет в нашем новом веке. Люди умнее не стали... Ладно... Хватит об этом. Как там Инесса, спит, небось?

Совсем стемнело. Девочка на заднем сиденье и вправду заснула, полуобернувшись к окну. По ее щеке и волосам пробегали блики света от проносящихся придорожных реклам — красные, желтые, голубые. Две цепочки фонарей тянулись вдаль, словно драгоценные ожерелья, украшенные сверкающими огнями на фоне черного неба.

— И все же,— произнесла Диана,— не встретить ваш папа того своего друга, может, и не ехала бы сейчас Инесса с мыса, а может, и машины этой бы не было сейчас на дороге.

— Все это так, но... знаете, как говорят — «чему быть, того не миновать». Если нам сегодня было суждено ехать по этой дороге, то все силы неба трудились над этим.

— Судьба? — спросила Диана.

— Да, судьба. И от нее не ушел никто из тех, кто подвергал сомнению ее существование. Если мы чего-то очень хотим и прилагаем все силы, чтобы добиться этого, то не может не сбыться.

— И это сбудется, даже если мы не будем предпринимать никаких усилий для достижения этого.

— То, что мы прикладываем усилия, тоже — часть нашей судьбы.

— Как все сложно,— проговорила Диана.— Но мы едем по этой дороге. И, слава Богу!

Машина свернула с трассы к заправке, и они остановились.

— Давай выйдем,— предложила Диана, когда водитель стал заправлять машину,— ноги разомнем. Мы уже скоро приедем. Как ты, не замучила я тебя?

— Что ты, Диана, я с тобой только и делаю, что отдыхаю. Давай выйдем.

Ночь была звездной, дул прохладный ветер. Диана взяла Яну под руку и повела к входу. За заправкой виднелась в темноте цепочка фур, водители которых готовились к ночевке. Оттуда доносилась музыка, голоса людей. Между машинами бегала белая собачонка и радостно лаяла. А на самой заправке, в небольшом торговом зале, люди из подъехавших машин, покупали напитки, сэндвичи, дети гоняли по залу и выбирали сладости.

Диана зашла купить кофе и сэндвичи, а Яна осталась снаружи. Она радостно вдыхала свежий ночной воздух, чувствовала запах крепкого кофе и соблазнительный аромат печеных булочек. Напротив нее, через дорогу, простиралось поле, залитое ночной тьмой, только поблескивала волнуемая ветром трава на обочине, да горело несколько огоньков во тьме — красный, желтый, голубой и снова желтый. Она смотрела на темное небо над полем, и ей казалось, что оно время от времени вспыхивает, словно зарница или далекая молния вдали, и она видит лишь слабый их отблеск.

Появилась Диана с пакетом.

— Я купила нам по сэндвичу и кофе. Давай подкрепимся. А где наш друг?

— Кто?.. А... Тоже пошел, наверное, купить что-то.

— Ну и отлично. Давай тут на багажнике и расположимся. Не устала стоять? Можно и внутри.

— Нет, здесь хорошо. Мне нравится здесь. Мы с Женей стараемся, конечно, выбираться, но так, ночью на заправке, я еще не ужинала.

— Знала, что тебе понравится. Бери этот с курицей, а этот с тунцом.

Подъехали еще две машины, и шумная компания ребят зашла в торговый зал заправки. Дверь осталась открытой, и музыка зазвучала еще громче, уносясь к далеким огням во тьме.

Сэндвич с тунцом показался Яне очень вкусным, а кофе был без сахара. Эх, Дианка, все то она знает, все ее вкусы и привычки. А теперь еще и эту ночь подстроила. Ведь подстроила же она ее. Нет, Диана вовсе не писатель, а что-то совсем другое под видом писателя. Слишком уж она любит реальную жизнь, чтобы ставить выше нее что-либо еще. Если бы Диане удалось написать что-то для нее очень важное и сокровенное, то она, наверняка, перестала бы писать. Да вон, и сама она сказала, что пишет лишь для того, чтобы читали Лескова... Глупенькая!.. Не скоро его станут читать. Хотя кто-то ведь и читает. Не все так плохо.

По трассе проносились редкие машины. Толпа парней с большими пакетами снова загрузилась в машины и, ухая музыкой в салонах автомобилей, укатила по шоссе, куда-то туда, где сходились две цепочки огней по краям дороги.

— Хорошо здесь! — вдохнула в себя ночной воздух Яна и, улыбнувшись, добавила. — Ты показала мне ночь.

— Да, — отправляя в рот последний кусочек сэндвича, согласилась Диана. — Я тебе много чего еще покажу. Ты только не сопротивляйся. Я сейчас нахожусь в межроманье. Глядишь, и идея какая-нибудь появится.

— Ты вот говоришь, что сейчас находишься в «межроманье», так возьми и напиши обо всем, что сегодня было.

— Нужна же какая-то идея, мысль. А что сегодня, собственно, было?

— Было все, что нужно для того, чтобы человек был счастлив.

— Ну, тогда у каждого человека всегда есть все для того, чтобы он был счастлив. А для этого нужно совсем немного, а что именно, это будет наш с тобой секрет.

Показался водитель машины. Дианка быстро скомкала пакеты и, подойдя к входу в торговый зал, выбросила в урну.

Машина снова набрала скорость. Яна откинулась на спинку сиденья и, зажмурив

глаза, смотрела на огоньки за окнами, любовалась тем, как играют лучи, кружатся, сливаются в цветной калейдоскоп.

— Ну вот,— сказал водитель,— почти приехали. Эту «Бочку» ты имела в виду?

— Да-да, это она. Яна смотри, сейчас тут темно, но отель стоит на горе. Тут кругом сосны и чудесный воздух. Завтра ты все рассмотришь... Вы знаете,— обернулась Диана к водителю, доставая кошелек,— давайте я поучаствую в бензинчике, сейчас он не дешевый.

— Брось это дело. Мне по пути. Да и ребенка заняла, а то умучила бы меня Инесса вопросами.

— Спасибо вам, что довезли! И рассказали столько интересного.

Яна вылезла из машины и, держась за прохладный металл капота, впервые почувствовала, каким длинным был сегодняшний день. Боже, сколько всего было! Обычно ведь дни так быстро летят, а сегодня, кажется, что время перестало существовать и есть просто «сейчас», есть «этот миг». А то, что стемнело, и наступила ночь, и дорога была такой длинной, то ко времени это не имеет никакого отношения. Это похоже на смену декорации, чтобы было интереснее, чтобы отделить одно ощущение от другого. Эта ночь просто иллюзия, подарок бытия и существует здесь и для них. А где-то в этот миг светит солнце и длится для кого-то долгий летний день. Но ведь так и есть. Прямо в этот миг, где-то сейчас полдень, и людям под жарким солнцем трудно представить, что стоит сейчас кто-то, подрагивая, на прохладном ветру, в ночи, на лесистом холме, у незнакомого отеля.

Яна огляделась. Отель был очень большой, и полукруглым верхом напоминал гигантскую бочку. Да, они на высоте, Яна чувствовала это. Она слышала, как шумят на ветру высокие ели, ощущала их аромат, и едва видела, как в пяти шагах от нее начинался крутой лесистый спуск. Деревья погружались в этот обрыв, исчезали во тьме, становились тьмой.

Зато отель на горе сияет перед ней огнями окон. Что же будет дальше? Что еще придумает Дианка? Это становится интересно. Дианка колдунья, маленькая ведьмочка. Она рисует эту ночь, ворожит, выдумывает ее, но в то же время, ведь все реально до щекощущего чувства в груди, когда вдыхаешь прохладный воздух, слышишь гул вершин деревьев и угадываешь их в ночи только лишь потому, что они закрывают собой звезды.

(Продолжение следует)

